

**Пробный вариант муниципального этапа
Всероссийской олимпиады школьников по литературе
2021-2022 учебный год
II класс**

1. Творческое задание [30 баллов]

В последние годы в интернете стал популярен такой жанр как трибьют – музыкальный альбом с текстовой составляющей, которая отсылает к творчеству другого автора. Так появились, например, трибьют-альбомы «Я – голос ваш» на стихи Анны Ахматовой и «Сохрани мою речь навсегда» на стихи Осипа Мандельштама.

Предлагаем вам подумать над концепцией нового трибьюта «Ключи тайн» по мотивам текстов русского символизма. Найдите определенный угол обзора творчества символистов. Под этим и понимается актуальность вашей задумки. Попробуйте сформулировать «фабулу» альбома (как будут расположены песни в трибьюте), жанровую составляющую (это будут мелодичные песни или броские рэп-зарисовки) и, конечно же, подумайте над тем, тексты каких авторов станут основой для трибьюта.

Как итог работы вы должны представить расширенную аннотацию трибьюта, в которой расскажете о нём, кратко охарактеризуете его основную идею и обоснуете его значимость, а также укажете, на какие стихотворения будете делать итоговые музыкальные аранжировки.

2. Аналитическое задание [40 баллов]

Выберите для аналитической работы ИЛИ прозаический, ИЛИ стихотворный текст. Пишите связно, свободно, понятно, доказательно и грамотно. Рекомендуемый объём – 400–500 слов.

Михаил Петров

(1938 – 2015)

Протест

Из тёмных сений Лёнька вбегает в дом и меркнет душой: в доме побелка... Он не любит ремонтов, побелок, покрасок полов, когда все вещи в доме сдвигаются со своих привычных мест, когда по дому можно ходить в грязных сапогах и голоса в пустых комнатах из-за вынесенной одежды начинают звучать свежо и сиротливо, будто сквозь сон, и хочется вон из дома – в поле, в лес. Но особенно он не любит побелок во время серых осенних дождей. Осенью и на улице-то не знаешь, куда спрятать глаза, чтобы не видеть этого, будто бы

наизнанку вывернутого мира, и так нужен спасительный кров с дорогим сердцу порядком вещей, а тут, как нарочно, дома ещё хуже, чем на улице, и вещи открываются глазам самыми потайными своими сторонами, о которых положено знать только про себя.

Лёнька с тоской оглядывает старый шкаф, повёрнутый к глазам заплесневелой, сморщенной от сырости задней стенкой, изогнутый, перевязанный в нескольких местах проволокой обнажённый скелет кровати, такой уютной, когда она заправлена цветастым покрывалом и тюлевыми накидушками, табуретку, валяющуюся посреди кухни, и, помрачнев, брезгливо садится на краешек мокрого стула. «Ну, нашла время белить», – сердито думает он про мать и недовольным голосом кричит:

– Мам! Чего поесть?

Мать, наверное, загадывала до его прихода из школы закончить побелку, поэтому отвечает раздражённо:

– Доставай картошку из печки, хлеб – знаешь, где, а молоко в шкафу, в кринке... Ишь, барин какой! Всё подай ему да поднеси!..

Поев картошки с молоком, Лёнька садится за уроки. Раньше он был хорошим учеником, учился на четыре и пять, теперь съехал до троек и двоек. В тетрадях у него почти так же грязно, как и на улице, так же тоскливо, как и на душе. Равномерно-прямолинейное движение по физике, растительность тундры по географии. Столетняя война по истории. Наскоро выполнив письменные задания, он запикивает книжки в портфель и садится лицом к окну. Огород убран; коров ещё не пригоняли, печь топить рано... Изнанка у окна отпотела, стала матово-непроницаемой, но Лёньке и не хочется видеть изрытую деревянную дорогу, мелкий дрожащий дождь, кур, спрятавшихся под навес, уток, роющихся в грязной луже. Изредка, оставляя кривые дорожки, по стеклам ползут капли, и Лёнька начинает следить, на каком из стёкол капля достигнет крестовины рамы скорее, но вдруг опять вспоминает о ТОМ, и сердце его обмирает.

Он вспоминает о том, что он, Лёнька, обязательно когда-нибудь умрёт.

Лёнька понял это внезапно, незнамо откуда, будто вдруг провалился под лёд, в прочности которого никогда не сомневался. Когда-то давно, с год назад,

прочитал он в библиотеке брошюру о том, что все звёзды остывают и что солнце – всего лишь маленькая звезда, которая тоже неминуемо погаснет, правда, через миллионы лет. И вот теперь две эти мысли слились в одну – об изначальной бессмысленности жизни. Правда, с собственной смертью он наполовину смирился. Лежать в могиле на кладбище за промкомбинатом, неподалёку от котлована, кажется ему уделом хоть и несправедливым, но частью искупаемым тем, что вокруг будут жить люди, а вот смириться с тем, что, когда подёрнется на глазах у людей сизо-малиновой окалиной, солнце погаснет и всё погибнет, – с этим он никак не может смириться. Протест, вызываемый страхом, рвётся из души и вызывает новый страх.

Иногда он изгонял эту мысль из сознания. Но чем на более долгий срок он изгонял её, тем ужаснее казалась она ему, когда всплывала откуда-то снизу, из неизвестных глубин. В лесу, в игре, на уроке, на перемене среди весёлой коридорной толчеи вдруг думалось просто и буднично: «А ведь этого всего когда-нибудь не будет... И я, и они, все мы – умрём. И никто никогда не узнает, что на земле жили люди. А и узнают, так что?..»

И сердце Лёньки уже готово разорваться от отчаяния. Он запинался на полуслове, выбывал из игры, пропускал мимо ушей вопросы учителей. И не только учителя – кое-кто из дружков стал замечать, что с Лёнькой творится что-то неладное.

– Ты чего, Лёнька? – всё чаще спрашивали они его. – Пошли играть!

И всё чаще Лёнька отвечал:

– Неохота. – И прикрывал ответ искусственным зевком. Сам же боялся, как бы мальчишки не узнали, о чём он думает. Он боялся того жалостливого испуга, с которым, как ему казалось, все посмотрят на него, узнав, что он знает о том, что обязательно умрёт. А Лёнька ещё втайне надеялся, что, пока он один об этом знает, может быть, всё ещё и уладится, и со временем забудется, как забывались многие из его проделок, которые удавалось скрыть.

В то же время ему мучительно знать об этом в одиночку. «Как же они живут? – думает Лёнька, соединяя мизинцем лужицы воды, набежавшие на подоконник со стёкол. – Как же они все живут?.. Неужели знают обо всём и живут?.. Для чего? Чтобы умереть?..»

И, не в силах больше таиться, он кричит:

– Мам!

– Чего тебе? – шурша рогожной кистью по потолку, откликается мать из комнаты. – Забыл, как звать?

– Лёнька несколько секунд судорожно борется со своим страхом: «Сказать? Или не сказать?..»

– Лёнька! спрашивает мать тревожно. Ты чего?

– ...Я завтра в школу не пойду! – выпаливает Лёнька.

– Опять Леонида Андреевна заболела?

– Никогда не пойду!..

– Это ещё что за новое дело? – В комнате воцаряется тишина, и Лёньке слышно, как с кисти в ведро капает раствор извёстки. – Уж не исключили ли тебя из школы?

– Да ну!.. Кого сейчас исключают! Это же не при царе Косаре... Я сам не пойду!

– Я тебе не пойду! Кто за тебя учиться будет? Я?

– Для чего учиться, если всё равно помирать!

– Помирать?.. Ты чего это такое выдумал опять?

– После долгой паузы мать, гремя табуреткой, слезает со стола и появляется на кухне. Мать вся забрызгана известью – полные голые руки, лицо, красная косынка, которой повязаны её пышные каштановые волосы. Лёнька видит её растерянность и выжидающе молчит.

– Ты чего это, сынок? – говорит она. Ты чего, как старик? Тебе жить надо, а ты помирать собрался... Не думай про это, про это грех думать.

– Чего же мне делать, если про это думается?

– А ты не думай. Ты про что-нибудь хорошее думай!.. Поди, поиграй к Тольке. А то всё читаешь, читаешь... погоди вот, дураком станешь, как Ваня Акулич, узнаешь тогда. Тот так же читал, читал, да и повернулся, – мать садится на своего любимого конька (она всё плохое объясняет пристрастием Лёньки к чтению: и его плохую учёбу, и слабенькое здоровье, и плохой аппетит), – вот возьму и все твои книжки прижгу!..

– Ну и жги. Жги! Мне они не нужны больше, ясно?

– Это почему не нужны? – меняет тактику мать.

– Это кто тебе не нужен? Горький тебе не нужен? – взгляд её падает на книгу Горького «Детство», которую Лёнька принёс из библиотеки. – Хорош пионер... Или Фадеев тебе не нужен? И Николай Островский?

– А где они, твои Горький да Фадеев? Где Островский? Где? В могиле, вот где! И все из истории в могиле, и Бойль с Мариоттом в могиле. Живёте, как на кладбище, и не замечаете.

– Ну что, что в могиле? – мать тоже переходит в наступление. – В могиле, да, как говорится, живее тебя. Не раскисали, как ты, жили и работали. Без них ничего бы не было: ни радио, ни телевизора, ни самолётов, ни электричества. И ты живи для других.

– Да и другие тоже умрут! говорит Лёнька. – Когда-нибудь все умрут, понимаешь? Все! И не от бомбы, а потому что солнце погаснет, и некому вспомнить будет, что здесь, на земле, люди жили. Зачем же жить тогда? Зачем вот ты живёшь? Ну зачем?

Мать не находится с ответом, долго и беспокожно молчит, а Лёнька ждёт, что она ответит.

– Это что с ребёнком случилось? – говорит вдруг она плачущим голосом, и звуки разносятся по пустому дому свежо и сиротливо, так, как Лёнька не любит. – Да ты что себе в голову вбил, Лёньк? Ты что? Ведь ещё не скоро погаснет-то? А может, и совсем не погаснет. Учёные чего-нибудь придумают или ошиблись чего... Откуда можно знать, что через миллион лет случится?.. Они вон погоду на завтра угадать не могут, а туда же: солнце погаснет!.. Чепуху собирают всякую, а ты веришь...

Лёнька ещё надеялся, что мать что-нибудь знает о смерти тайное, взрослое, что от детей скрывают, или поможет ему обмануться, будто люди живут в конечном счёте зачем-то, но от этого «не скоро погаснет-то» пахнуло такой определённой безнадёжностью, что Лёнька заплакал.

– Ну и что, что не скоро? Что, что не скоро? Ведь всё равно? Не скоро, но всё равно? Сами не знаете, зачем живёте, да ещё меня родили. Зачем рожали, если всё равно помирать? Вы меня спросили? Спросили?

– Сынок, как же тебя спросить можно было? – ответила мать.

– Ну и не рожали бы, если нельзя!..

– Ты чего, Лёнь, – подошла к нему мать. – Смотри, жизнь какая хорошая. Скоро мотоцикл купим... Корова есть, свинья есть, всё тебе, – и, не находя больше аргументов, она прижала Лёнькину голову к тёплой и мягкой груди и вдруг, словно обрадовавшись, всплеснула руками: – Да ведь ты весь горишь, сынок! Заболел! Ну-ка быстрее ложись в постель, я постелю, Фаину Гавриловну тебе вызову...

– Сами вы больные, сами! Уйди от меня, – попробовал Лёнька вырваться из плена мягких материнских рук, но они уже вели его к постели, на ходу расстёгивая пиджачок, глядя голову, вытирая слёзы...

Уложив Лёньку в кровать, мать умылась, переоделась и сходила за фельдшерницей Фаиной Гавриловной. Та послушала его, прописала лекарств, заставила выпить каких-то остро пахнущих капель, и Лёнька уснул.

Проснулся он среди ночи и долго прислушивался к тому, как мать мыла в комнатах пол, потом носила туда из сеней одежду, мягко и кругло ступая босыми ногами по деревянным половицам. Лёнька вслушивался в эти знакомые звуки и не узнавал их. Он чувствовал, что что-то в его жизни кончилось навсегда, наступила какая-то новая жизнь, отличающаяся от прежней – счастливой, радостной и вечной. Будто произошло что-то со светом – был он светлым и ясным, а стал – словно его закоптили лёгким коричневым дымом...

И нужно было как-то жить, жить... Жить, всей душой протестуя против такой бессмысленной жизни...

1990

Олег Чухонцев

(род. 1938)

Затмение

Я отходил от свежей памяти.
Не забывал, а забывался.
Бывало, выбираясь на люди,
молчал да в угол забивался.

И чай помешивая ложечкой,
вдруг вздрагивал как от укола:
то захолонеет под ложечкой,
то кипятком ошпарит горло.

И обожжёт напоминание,
когда, не подавая виду,
войдёт она на посмеяние,
гордячка, довершить обиду.

Она войдёт в моё забвение
и руки белые заломит,
и как при солнечном затмении,
на мирозданье псы завоют.

И расставаясь не оглянется,
и в пустоту уйдёт как сгинет.
И час по часу год протянется.
И постепенно чай остынет.

Потом тоска моя как облако
В мороз рассеется из дому.

Потом ни имени, ни облика
Хотел бы вспомнить – да не помню...

Всего за работу: 70 баллов.